This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

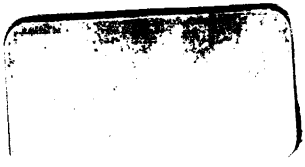
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 116.25.7 (1809, no.9)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



1809
9

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ.

1809.

Отд. XXII.
Арх. опись в магазин
Наполн. 7.
Книга 46
1778
2

Въ Университетской книжной лавкѣ, что на Тверской улицѣ, продаются слѣдующія книги:

Systematische Sammlung prosaischer Aufsätze der vorzüglichsten Deutschen Schriftsteller für die hiesigen Studierenden, herausgegeben von Jul. Ulrichs, öffentlichen Lehrer der Deutschen Sprache und Literatur an der Kaiserl. Moskowischen Universität. M. 1809 г. въ Унив. тип. Цѣна въ кореш. 80 коп.

Начальныя основанія Технологіи, или краткое показаніе работъ, на заводахъ и фабрикахъ производимыхъ. Изданы Иваномъ Двигубскимъ, Технологіи Профессоромъ П. Э. и Обществъ: С. Петербургскаго Экономическаго, Московскихъ Медикофизическаго и Изпытателей Природы, Парижскаго Академическаго Наукъ, Геттингскаго Физическаго и другихъ Членомъ. — Въ пользу слушающихъ въ Московскомъ Университетѣ Технологію. 2 Части. М. 18·8 года, въ Универс. тип. Цѣна въ корешкѣ ‹ руб. 20 коп.

Первыя начала Государственнаго хозяйства, или Наука о народномъ богатствѣ, сочиненныя Христіаномъ Шлецеромъ, Надворнымъ Совѣтникомъ и Политики Профессоромъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Для употребленія обучающихся въ Гимназіяхъ. М. 1807 г. Въ Универс. тип. Цѣна въ бум. 20 коп.

Краткое Руководство къ обозрѣнію Россійской Имперіи, сочинено въ пользу юноше-

О-5
В-38

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

Полка 75

ЧАСТЬ XLV.

МОСКВА:
Въ Университетской Типографіи,
1809.

ОТД XXII

Δ
Р... 176.25.7 (1809/9)

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY AUG 29 1963

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1809.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Печальное произшествіе, случившееся въ началѣ 1809 го года.

„Описывая вамъ горестную судьбу моего знакомца — такъ говоришь одинъ неизвѣстный въ письмѣ своемъ къ Издателю Вѣстника — желаю, чтобы и читатели вашего Журнала объ ней узнали. Для чего? спросите вы — признаюсь, я въ этомъ не умѣю дать себѣ вѣрнаго отчета; я слишкомъ увѣренъ, что жребій несчастнаго моего друга не можетъ перемѣниться; но сердцу моему необходимо сообщить кому-нибудь и горесть свою и то мучительное негодованіе, которымъ оно наполнено! Сверхъ того утѣшаю себя

мыслію, что низкій злодѣй, разрушившій навсегда щастіе двухъ добрыхъ твореній, прочитавъ эти строки, ужаснется самого себя, и страшный свѣтъ проникнетъ во мрачную душу его, можетъ быть спокойную отъ совершеннаго безчувствія.

„Лиза была дворовая дѣвушка. Госпожа N** воспитала ее вмѣстѣ съ своею дочерью. Она имѣла прекрасное лицо, умъ здравой, сердце наполненное чувствами, необыкновенными въ ея состояніи и еще болѣе образованными воспитаніемъ. Лиза, осужденная жить въ рабствѣ, съ малолѣтства привыкла пользоваться преимуществами людей свободныхъ и превышающихъ ее своимъ родомъ и званіемъ. Дѣвица N** вышла за мужъ; Лиза досталась ей въ приданое. Въ домѣ W** — новаго ея Господина — увидѣла она Лїодора (моего пріятеля), пылкаго, добросердечнаго, благороднаго — увидѣла, полюбила, — сердце ея безъ всякой осторожности плѣнилось тѣмъ чувствомъ, котораго еще она не понимала, и которое втайнѣ влекло ее къ одному, любезнѣйшему предмету — мудрено ли! добрая Лиза имѣла не болѣе пятнадцати лѣтъ, и была еще такъ неопытна. И Лїодоръ почувствовалъ въ ней склонность — а склонность сія въ хорошее время сдѣ-

лалась страстію, но страстію нѣжи. почтительною, непорочною. Лїодоръ, осмнадцатилѣтній юноша, имѣлъ пламенную душу; любовь значила для него щастіе, и привязанность его къ Лизѣ была источникомъ всѣхъ лучшихъ его чувствъ, всѣхъ благороднѣйшихъ его поступковъ. Два года продолжалась ихъ тайная связь, основанная на щастливомъ согласіи двухъ нѣжныхъ сердецъ, которыя не желали болѣе еще ничего, кромѣ спокойнаго наслажденія собственными чувствами. Лїодоръ и Лиза видались очень часто, и каждой день сильнѣе увѣряли себя, что были необходимы другъ для друга.

„Въ концѣ послѣдняго года явился въ домѣ Господина W** Полковникъ Z***, вдовецъ, похоронившій двухъ женъ, человѣкъ грубой, скупой и чрезвычайно непріятный наружностію. Онъ увидѣлъ Лизу и полюбилъ ее — что значитъ *полюбилъ*? Почувствовалъ нѣкоторое раздраженіе въ душѣ своей, привыкшей къ однимъ удовольствіямъ грубымъ и совершенно почти усыпленной. Лиза не замѣчала выразительныхъ взглядовъ господина Полковника — и могла ли она замѣчать ихъ? Она была такъ невинна, а нѣжная привязанность къ Лїодору занимала всю ея душу. Полковникъ Z*** сдѣлался

неотступнѣе, наконецъ объяснился — Лиза отвѣчала ему презрѣнїемъ. Это раздражило человѣка, непривыкшаго отказывать себѣ ни въ одномъ желанїи. Могъ ли онъ вообразить, чтобъ бѣдная Лиза, рожденная *рабою*, способна была чувствовать благороднѣе, нежели онъ, старый Дворянинъ и Полковникъ! Онъ началъ за нею присматривать; скоро замѣтилъ, что она любила и была любима — ревность, которая въ сердцѣ нѣжномъ и страстномъ есть тяжкая скорбь, уничтожающая въ немъ самую привязанность къ жизни, въ сердцѣ жестокомъ и способномъ чувствовать однѣ желанїя грубыя, есть бѣшенство, ненависть и мщенїе. — Полковникъ Z*** рѣшился погубить бѣдную Лизу. Онъ сообщилъ Господину W** свои замѣчанїя и, разумѣется, очернилъ въ глазахъ его непорочную привязанность Лизы къ Лїодору. Молодую дѣвушку лишили прежней ея свободы. Она перестала видаться съ Лїодоромъ, или видалась съ нимъ окруженная свидѣтелями подозрительными, предубѣжденными, несправедливыми — одно только блѣдное лице, одни только померкшїе и унылые взоры ея говорили бѣдному Лїодору, что онъ любимъ, любимъ по прежнему, любовїю нѣжнѣйшею. Въ самомъ страданїи находили они нѣкоторую сладость, ибо сїе страданїе было для

ихъ любовію. Но Полковникъ Z** не могъ довольствоваться однимъ нещастіемъ своего соперника — воспламененная чувствительность его требовала полной жертвы. И что священно для человѣка безъ правилъ, развратнаго и незнакомаго ни съ однимъ движеніемъ добродѣтельнымъ! Полковникъ Z*** обманулъ и родственника своего, Господина W**, увѣривъ этаго добродушнаго человѣка, что Лиза дала обѣщаніе Лїодору уѣхать съ нимъ въ Петербургъ, что все уже изготовлено къ побѣгу... однимъ словомъ, Господинъ W**, желая можетъ быть избавить себя отъ непріятнаго безпокойства и, вѣроятно, не подозрѣвая злодѣйскихъ умысловъ родственника своего, согласился, чтобы нещастную Лизу отвезли въ подмосковную Полковника Z**, находящуюся въ 17 верстахъ отъ столицы. Можетели вообразить тотъ ужасъ, который наполнилъ душу этой бѣдной жертвы, когда объявили ей волю ея Господина? Она занемогла жестокою горячкою — но что же? Надъ нею не сжалились — въ бреду и безпамятствѣ отвезли ее въ подмосковную Полковника Z** — это случилось 28 Февраля, и съ тѣхъ самыхъ поръ участь ея покрыта для меня ужасною неизвѣстностію. Но участь Лїодора... ахъ, нещастный! Полковникъ Z** распустилъ вездѣ слухъ, что Лиза продана

ему Господиномъ W * *; этотъ слухъ дошелъ и до Лїодора... есть люди, которыхъ сильная горесть погружаетъ въ какую-то мертвую безчувственность, въ какое-то страшное бездѣйствїе, уничтожающїя въ нихъ и память и мысли и самую тѣлесную силу. Таковы были первыя чувства Лїодора — и щастливъ ненавистный его убїйца. Но Лїодоръ съ того времени не приходилъ уже въ прежнее положенїе — сначала онъ былъ задумчивъ, мраченъ, ни къ чему невнимателенъ, глаза его были тусклы и мертвы, лице покрыто ужасною блѣдностїю, онъ не говорилъ ни слова, казался безчувственнымъ и даже спокойнымъ; но осьмаго Марта замѣтили въ немъ признаки сумасшествїя. Увы! этотъ нещастный совершенно потерялъ разсудокъ; но онъ сохранилъ всю прежнюю свою кротость — сумасшествїе Лїодора тихое и унылое: безпрестанно начинаетъ говорить о мученїи своего сердца, о любви, о прежнемъ своемъ щастїи, твердитъ всякую минуту ея имя и задумывается. На сихъ дняхъ я былъ у его отца — ахъ! онъ имѣетъ еще отца, и какимъ жребїемъ наказало Провидѣнїе этого старца: при концѣ жизни быть надзирателемъ сумасшедшаго сына! какого сына? прелестнаго юноши, которымъ онъ утѣшался, въ которомъ заключены были послѣднїя

надежды его жизни! Причина сумасшествія Лїодорова была ему еще неизвѣстна — я разсказалъ ему обо всемъ. Мы оба заливались слезами, въ присутствіи бѣднаго Лїодора, который ничего не чувствовалъ и безпрестанно, съ выраженіемъ нѣжнѣйшей, глубокой страсти, твердилъ имя своей Лизы, называлъ ее своимъ Ангеломъ, своимъ другомъ, своею жизнію. *Ахъ!* сказалъ мнѣ старикъ, *Богъ терпитъ пороки и злобу; но такое безвинное, варварское гоненіе рано или поздо будетъ наказано Его правосудіемъ! Я не желаю мстить Господину Полковнику Z***, но я боюсь узнать его!*“ — Онъ подошелъ къ Лїодору: нещастный, какъ будто почувствовавъ, что горестный отецъ принимаетъ участіе въ его жребіи, протянулъ къ нему руки, прижался къ его сердцу и залился слезами.

„Скажите, милостивый Государь, какого имени достоинъ, по вашему мнѣнію, Полковникъ Z***? Онъ болѣе нежели похититель чужой собственности: потерянную вещь, какъ бы ни была она драгоцѣнна, можно забыть или замѣнить другою — но чѣмъ замѣнитъ потерю того блага, съ которымъ сопряжены были всѣ наши надежды, все наше щастіе? Онъ болѣе нежели убійца: похититель жизни причи-

имѣетъ намъ одно минутное зло; не похититель щастія, оставляя намъ жизнь, даритъ насъ однимъ безполезнымъ благомъ, однимъ мучительнымъ чувствомъ нашей утраты. Извѣстна казнь, опредѣленная законами похитителю и убійцѣ; но что, скажите, опредѣлитъ законъ злодѣю, по наружности правому передъ его зерцаломъ, сластолюбцу, коварному клеветнику, хитрому губителю непорочности, скрывающему себя подъ личиною правоты и чести? Порочный достойнѣе наказанія, нежели преступникъ, и ему одному нѣтъ наказанія! Не говорите мнѣ о презрѣніи свѣта — свѣтъ равнодушенъ и беззаботенъ. Его легко обманешь наружностію; и кто возметъ на себя разсматривать настоящія причины поступковъ? Въ свѣтѣ презираютъ злодѣя — но *показываютъ* презрѣніе только къ тѣмъ, которые не имѣютъ ни достатка, ни блеску, сопряженнаго съ чиномъ или знатностію рода. А что нужды злодѣю въ томъ презрѣніи, которое онъ заслуживаетъ, но которое отъ него отвращаются! Полковникъ Z*** имѣетъ достатокъ; онъ можетъ угостить въ домѣ своемъ двадцать или тридцать человѣкъ — чего же болѣе? Онъ спокоенъ на счетъ общаго мнѣнія; а уваженіе нѣкоторыхъ честныхъ *чудаковъ* также для него мало значитъ, какъ и уваженіе соб-

спасенное. Не говорите мнѣ объ упрекахъ совѣсти — душа, пріученная къ чувствамъ грубымъ, засыпаетъ и дѣлается неспособною къ благороднымъ страданіямъ совѣсти! Я увѣренъ, что всякой закоренѣлый злодѣй спокоенъ въ сердцѣ своемъ (не говорю щасливъ), и даже почитаетъ себя правымъ по тѣхъ поръ, пока окружающіе его по наружности его оправдываютъ, или по крайней мѣрѣ его не обвиняютъ — а много ли въ нынѣшнемъ свѣтѣ рыцарей честности и добродѣтели? Всякой старается быть честнымъ и добрымъ для себя, не заботясь о томъ, каковъ его ближній! беззаботность гибельная и слишкомъ выгодная для людей порочныхъ. И такъ, милостивый Государь, не льзя надѣяться, чтобы Полковникъ Z*** наказанъ былъ или строгостію законовъ, или презрѣніемъ всеобщимъ; весьма даже вѣроятно, что самая совѣсть его спокойна — я не знаю долго ли продолжится это спокойствіе — но я желалъ бы увидѣть этого человѣка на одрѣ смертномъ!“

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе на счетъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благотворѣній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многіе изъ Русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что

это значитъ? Они выбираютъ или мальчика или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей *особѣ*, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими и — оставляютъ ихъ въ прежней *зависимости*. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ, *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятіями людей *независимыхъ*, несчастливъ на вѣки, естьли не будетъ дано ему благо, все превышающее — свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того ли, чтобы онъ могъ яснѣе почувствовать, современемъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его и познанія должны угаснуть безплодно? Естьли вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокой эгоизмъ, или лучше сказать злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности! Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ — а что унизительнѣе рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный — и такъ, прежде нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу! или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы, или

укажете ему дорогу въ испорченности и разврату; или душа его — если она неспособна привязаться въ порону — увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны. Я знаю одного живописца — онъ былъ крѣпостной человѣкъ добраго Господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Что же? Господинъ его умеръ — и этотъ бѣднякъ достался другому, вѣроятно неимѣющему особеннаго уваженія къ человѣчеству. Новый Господинъ взялъ его въ домъ — и теперь этотъ человѣкъ, который прежде принимаемъ былъ съ отличіемъ и въ лучшемъ обществѣ, потому что вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружность весьма благородную — ѣздитъ въ ливреѣ за каретою, разлученъ съ женою, которая отдана въ приданое за дочерью Господина его — я встрѣтился съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, которое, вѣроятно, служитъ ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ горестной его участи. Гдѣ же плоды благотвореній, оказанныхъ ему *добрымъ* его Господиномъ? Повторяю: такія благотворенія гибельны и по большей части бываютъ причиною одного разврата. Отъ чего, напримѣръ, замѣчаютъ въ простыхъ кресть-

знахъ менѣе испорченности, нежели въ дворовыхъ людяхъ, близкихъ къ Господамъ своимъ? Не отъ того ли, что послѣдніе, сохраняя свое рабство, имѣютъ яснѣйшее понятіе о состояніи людей свободныхъ, и научаясь презирать собственное, досадуютъ на судьбу свою — а ихъ развращеніе не есть ли необходимое слѣдствіе сей тайной досады, невольно отравляющей душу? Анекдотъ, сообщенный Издателю отъ неизвѣстнаго, можетъ быть страшнымъ урокомъ для многихъ, такъ называемыхъ благотворителей. Для чего эта погибшая Лиза получила понятіе о такомъ щастіи, о которомъ вѣроятно никогда бы не могла подумать, естьли бъ безразсудная благотворительность ея Госпожи не извлекла ее изъ состоянія простой служанки? Для чего воспитали ее съ такимъ тщаніемъ? Для того ли, чтобы она съ живѣйшимъ ужасомъ могла теперь осматривать ту бездну, въ которую низвергнута коварною злобою развратника? Ктожъ настоящіе ея губители? Не тѣ ли самые, которые, можетъ быть, въ свѣтѣ присвоиваютъ себѣ великолѣпное имя ея благотворителей?

II.

Къ друзьямъ (*).

О вы, которые во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ,
Съ подругой радостей, невинностью златою,
Хранимы опытной наставниковъ рукою,
Надежно, кроткіе, стремитесь имъ во слѣдъ!
Кого не тягоститъ ни сердца страсть жестока,
Ни скука, вѣчная сопутница заботъ,
Ни праздность — скорбь души, другъ гибельный порока,
Для коихъ всюду миръ, веселіе цвѣтетъ,
Украшены наукъ и доблестей зарёю,
Сей неотъемлемой и истинной красою,
Любимцы Фебовы! щастливые друзья!
О! сколько вашъ удѣлъ завидѣнъ для меня! —
Въ уединеніи, подъ кровомъ Музъ священнымъ,
Гдѣ сердцу вашему опасныхъ нѣтъ сѣтей,
Вы наслаждаетесь сокровищемъ безцѣннымъ,
Невѣденьемъ благимъ и злобы и людей!
Спокойны — знаніемъ питаете духъ юный!
Когда, при заревѣ пылающихъ градовъ,
Блеститъ раздора мечь, гремятъ войны перуны,
Вамъ улыбается согласье и любовь! . . .
Цвѣтите, о друзья! въ безпечности невинной,
Да нѣкогда, вступя въ опасный жизни годъ,

(*) Стихи сіи присланы Авторомъ въ Собраніе Благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона; въ этомъ Собраніи лучшіе изъ Воспитанниковъ занимаются въ особенности отечественною литтературою.

Въ безвѣстный, новый кругъ, изъ сей ограды мирной,
Стяжавъ сокровище познаній и добротъ,
Средь вихря бурнаго коварствъ и обольщеній,
Которыми давно наполненъ жалкій свѣтъ,
Стремяся тайною стезей благотвореній,
Вы вѣкъ свой щастливо укроете отъ бѣдъ!

Какъ нива злачная, весною оживленна,
Готовитъ сладкіе орашаю плоды:
Такъ вы Отечества надежда драгоцѣнна!
Такъ радостно оно на ваши зритъ труды! —
Тамъ ожидаютъ васъ... и долгъ благодаренья,
И слава и любовь, и чести громкій гласъ!
Пусть примутъ родшіе за ихъ къ вамъ попеченья,
Отечество — за трудъ, подъятый имъ для васъ,
Возмездье сладкое! .. О, долгъ благословенный!
Да вѣкъ пылаетъ въ васъ къ нему любви жаръ,
Сей спутникъ доблестей, сей неизкупный даръ,
И вашъ предводитъ духъ, ко славѣ устремленный! ....

М. Милоновъ.

1809, Марта 17 дня.
Задонскъ.

III.

Невинность.

О время щастія! о прелесть лѣтъ младыхъ!
О возрастъ сладостный невинности безпечной,
Въ которомъ я дышалъ для радостей однихъ!
Почто сокрылся ты такъ рано, быстро-
течно? . . .

*

Надежной, кроткою родителей рукой
Отъ злобы, суеты, отъ свѣта удаленный,
Заботъ и скуки чуждъ, въ согласіи съ собой,
Я велъ прелестны дни въ невинности бла-
женной!

*

Близъ сердца матери, невѣденьемъ своимъ
И милой простотой младенчества счастливый,
Когда знакомился еще съ собой самимъ,
Какъ сладко прошекалъ мой вѣкъ миролюбивый!

*

О рощи мирныя! родительски поля!
Блаженства моего свидѣтели безцѣнны!
Мѣста родимыя! васъ тѣхъ же вижу я . . .
Но скукою, досель мнѣ чуждой, изнуренный,

*

Питомецъ вашъ не тотъ, который въ лѣт-
ній зной
Подъ сѣнью вашею, и на лугахъ росистыхъ,
Бывало находилъ и радость и покой —
Его не веселитъ ни видъ дубравъ тѣнистыхъ,

*

Ни свѣтлый токъ ручьевъ, ни чистый сводъ небесъ,
Ни чувства сладкія невинности, свободы:
Задумчивъ, молчаливъ — онъ льетъ потоки слезъ,
И нечувствителенъ ко прелестямъ Природы!

*

Ахъ! быстро пролетѣлъ тотъ возрастъ золотой,
Какъ съ скорбью незнакомъ, ни съ скукою унылой,
Спокойно я мечталъ подъ тѣнію густой
Иль дуба древняго иль липы горделивой!

*

Среди суетъ мірскихъ, страстямъ порабощенъ,
Искалъ я радостей — и съ горестьми встрѣчался!
Блестящимъ призракомъ и свѣтомъ ослѣпленъ,
Искалъ я щастія — и съ бѣдствіемъ сражался!...

*

Гонимъ развратными, гонимъ самимъ собой,
Вездѣ я былъ одинъ, одинъ съ своей тоскою;
Нѣтъ сѣни для меня — бѣжитъ меня покой!
Куда ни обращусь — повсюду скорбь за мною!...

*

Невинность кроткая! тобою озаренъ,
И въ самой горести отраду обрѣтаю!
Отъ сна глубокаго тобою пробужденъ,
Иду твоимъ путемъ — страданье забываю!...

*

Съ тобою я богатъ любовію друзей,
Богатства не ищу, за блескомъ не гоняюсь,
Безвѣстной участью довольствуюсь своей,
Природою, тобой, свободой наслаждаюсь!

*

Начало щастія — и щастія вѣнецъ!
Неизъяснимая, даръ Неба драгоцѣнный!
Къ тебѣ возноситъ гласъ неопытный пѣвецъ,
Тебѣ поетъ хвалу, тобою вдохновенный!

Андрей Раевскій.

IV.

Щастіе уединеннаго.

(Идиллія.)

Щастливъ, кто, будучи свободенъ отъ суетъ,
Владѣетъ нѣжною, заботливой подругой,
Подъ кровомъ хижины родительской живетъ,
И въ тихіе часы себя знакомитъ съ Музой!

*

На небѣ для него цвѣтетъ всегда лазурь,
Невинность на челѣ его блеститъ зарёю;
Спокойно къ щастію идетъ во мракѣ бурь,
Водимъ Природою и Истиною святою.

*

Вотще гремитъ мятежъ и слышенъ вихрей стонъ
Вокругъ щастливаго его уединенья:

Въ безпечности своей на все взираетъ онъ
Не съ чувствомъ робости, но съ чувствомъ сожалѣнья.

*

Покоясь въ тѣни родительскихъ дубовъ,
Онъ, сердца въ простотѣ, мечтаетъ, восхищенный:
„Безвѣстность мирная отъ бурь надежный кровъ!“
Не знаетъ гордости заботъ уединенный!

*

Такъ, свѣтъ сей позабывъ, старѣется мудрецъ!
О прошломъ не грустя, о будущемъ безпечной,
Онъ съ тихой радостью встрѣчаетъ свой конецъ,
Чтобъ, послѣ пробудясь, востать для жизни вѣчной!

*

Ахъ! естьли бы Творецъ далъ жребій мнѣ такой!
Ябъ часто, пробужденъ малиновкой въ долинѣ,
Смотрѣлъ, какъ солнца лучь струёю золотой
Излучисто бѣжалъ дубравы по вершинѣ.

*

Иль, сидя на брегу мелькающихъ ручьевъ,
Смотрѣлъ на злачный холмъ, на свѣтлой лугъ, прелестной,
И щастливый въ душѣ, лишенъ восторгомъ словъ —
Дивился міра бы гармоніи чудесной.

*

При дремлющей лунѣ, въ безмолвный ночи часъ,
Уединясь подъ кровъ развѣсистой дубравы,
Ябъ часто съ лирою соединялъ мой гласъ,
И пѣлъ бы поселянъ невинныя забавы.

*

Простершись съ нѣгою на муравѣ густой,
Подъ зыбкой тѣнью ивъ, какъ весело плѣняться
Кристальнымъ ручейкомъ, что свѣтлою волной
Спѣшитъ стремительно въ долинѣ извиваться!

*

Какъ весело внимать жужжанію пчелы,
Иль изрѣдка листовъ древесныхъ трепетанью,
Иль трелямъ соловья съ утесистой скалы,
Иль съ крова мирнаго синички щебетанью!

*

Пусть ищутъ славныя твореніи свои
Потомству передать — Аглая! мнѣ не надо
Безсмертія вѣнка — улыбка устъ твоихъ
Быть можетъ для меня сладчайшею наградой.

*

Пусть свѣтъ меня даритъ презрѣньемъ иль хвалой!
Что въ мнѣньяхъ мнѣ его — коль я любимъ тобою!
Тебѣ лишь нравиться, зрѣть все — въ тебѣ одной,
Вотъ все чего хочу всемъ сердцемъ, всей душою!

*

Но нѣжная краса, даръ милый юныхъ лѣтъ,
Увянетъ времени въ губительномъ стремленьѣ,
И какъ осенній листъ, отцвѣтши, опадетъ —
Будь, дружба нѣжная, тогда мнѣ утѣшенье!

*

Ты замѣни любовь пріятностью своей!
Безстрашно встрѣчу я отверсту дверь могилы,
Когда, на западѣ моихъ безвѣстныхъ дней,
Ты будешь предо мной, Аглая, Ангелъ милый!

*

Прямое щастіе! о жребій мудрецовъ!
Тобою обладать — вотъ верхъ моихъ желаній!
Съ тобой я былъ бы чуждъ превратности оковъ,
Стрѣлъ злобы, зависти и всѣхъ мірскихъ страданій.

*

Водимый правдою и вѣрою святой,
Любя своихъ друзей и нѣжную супругу —
Я съ тихой радостью часъ встрѣчу роковой,
И къ смерти преклонюсь на лоно, такъ какъ къ другу.

*

Страшиться можетъ ли чего, кто жилъ добромъ,
Страдальцовъ утѣшалъ, давалъ покровъ гонимымъ?
Ночь тихая идетъ за долгимъ яснымъ днёмъ —
И праведникъ паритъ къ странамъ небесъ незримымъ!

*

Вздохните обо мнѣ, друзья души моей!
Вздохните съ горестью, когда меня не
станетъ,
И лира томная гармоніей своей,
Въ перстахъ моихъ унывъ, плѣнять васъ
перестанетъ!

*

И если-ль нѣкогда на гробъ придете мой,
Скажите, устремивъ на камень взоръ умильный:
Миръ праху твоему! И дружества слезой,
Послѣдней жертвою, почтите холмъ мо-
гильный!

*

А ты, комора съ пріятностью красы
Умѣешь съединять даръ кротости безцѣнной!
Когда, въ печальные унынія часы
Пришедъ оплакивать меня въ дубравѣ темной,

*

Услышишь вѣтерка ночнаго сладкой гласъ,
Иль шумъ листка во тьмѣ, обвятой тишиною —
То знай, безцѣнная, что въ этотъ самый часъ
Паритъ въ молчаніи мой призракъ надъ тобою!

А. Ме . . . ской.

V.

Зеркало.

Одинъ Неаполитанскій Король — именемъ Рожеръ — будучи на охотѣ, отсталъ отъ своей свиты и заблудился въ густотѣ лѣса. Съ нимъ встрѣтился Пиллигримъ, человѣкъ пріятнаго лица, который, не зная, что видитъ передъ собою Короля, подошелъ къ нему очень свободно и спросилъ: не можетъ ли онъ сказать ему, гдѣ дорога въ Неаполь?

„Ты видно издалека, добрей человѣкъ! отвѣчалъ Рожеръ — лице, ноги и платье твое покрыты пылью.“

Это правда — я очень усталъ и хотѣлъ бы поскорѣе на ночлегъ.

„Ты вѣрно въ путешествіяхъ своихъ много узналъ любопытнаго!“

Можетъ быть! На примѣръ, мнѣ удавалось видать такихъ чудаковъ, которыхъ безпокоила бездѣлки. Я научился не терять терпѣнія при первомъ отказѣ — а потому и прошу тебя еще разъ: указать мнѣ дорогу въ Неаполь! На дворѣ ночь, боюсь запоздать и не найти ночлега.

„Имѣешь ли ты въ Неаполѣ знакомыхъ?“ спросилъ Рожеръ.

Никого не имѣю, отвѣчалъ Пилигримъ.

„Слѣдственно не можешь надѣяться хорошаго пріема?“

По крайней мѣрѣ могу быть увѣренъ, что не обижусь пріемомъ грубымъ отъ такихъ людей, которые меня не знаютъ — но гдѣ дорога въ Неаполь? Становится поздно и темно!

„Я самъ заблудился! будемъ искать дороги вмѣстѣ; другаго нечего дѣлать!“

Я бы охотно согласился на твое предложеніе, но я пѣшій, а ты на лошади: или я за тобою не поспѣю, или ты можешь отъ меня промѣшкать.

„Правда твоя — но мнѣ никто не помѣшаетъ идти пѣшкомъ!“ Рожеръ спрыгнулъ съ лошади и пошелъ рядомъ съ Пилигримомъ. „Можешь ли угадать, съ кѣмъ ты говоришь?“ спросилъ онъ у своего товарища.

Почти угадываю: ты человѣкъ!

„Но можешь ли быть во мнѣ увѣренъ? Ты меня не знаешь.“

Отъ честныхъ людей ожидаю всего хорошаго; а бездѣльниковъ и воровъ не имѣю причины бояться.

„Очень хорошо! Но повѣришь ли, если-ли тебѣ скажу, что я Король Неаполитанской? “

Для чегожь не повѣрить! я этому очень радъ. Королей нечего бояться; они менѣе другихъ людей бываютъ вредны. Естьли ты въ самомъ дѣлѣ Король Рожеръ, то можешь порадоваться встрѣчѣ со мною. Весьма вѣроятно, что прежде меня никто не говорилъ съ тобою откры-тымъ сердцемъ и не являлся на глаза твои безъ личины.

„Быть можетъ! Но я не хочу одинъ пользоваться выгодою нашей встрѣчи; надобно, чтобы она была выгодна и для тебя. Слѣдуй за мною. Я намѣренъ составить твое щастїе.“

Мое щастїе, Государь! Не заботься объ немъ — оно сдѣлано, и давно. Пока буду имѣть при себѣ этихъ двухъ друзей — онъ указалъ на суму свою и посохъ — по тѣхъ поръ не буду чувствовать ни въ чемъ недостатка. Желаю сердечно, чтобы ты, въ богатой порфирѣ, былъ такъ же доволенъ судьбою, какъ я, въ простомъ рубищѣ, съ костылемъ и котомкою.

„Ты щастливъ?“ спросилъ Рожеръ.

Столько щастливъ, сколько позволено быть щастливымъ человѣку! Суди

самъ — я далъ себѣ обѣщаніе: бросить-ся въ воду, естьли найду человѣка, до-вольнѣе меня своимъ жребіемъ.

„Но какъ же можешь почитать се-бя щастливымъ, когда ты вѣчно отъ другихъ зависишь?“

Но былъ ли бы я щастливѣе, когда бы всѣ другіе зависѣли отъ меня?

„Поди же, и утопись — я думаю, что я тебя щастливѣе.“

Извините, Ваше Величество! естьли когда нибудь принуждемъ буду утопить-ся, то вѣрно отъ какого-нибудь подобнаго мнѣ бродяги, имѣющаго еще менѣе заботъ, нежели я; но щастіе Королей для меня не опасно. Впрочемъ — какъ нѣтъ пра-вила безъ изключенія — мы можемъ сдѣ-лать разсчетъ, и тогда увижу, кто изъ насъ двухъ щастливѣйшій.

„Такой разсчетъ бездѣлица. Я имѣю всѣ необходимости жизненныя въ изобиліи, пу-тешествую не пѣшкомъ и съ сумою, а очень покойно, на прекрасной лошади, и сверхъ того имѣю нѣсколько сотенъ по-добныхъ въ моихъ Неаполитанскихъ ко-нюшняхъ. Подъѣзжая къ Неаполю, я увѣ-ренъ, что буду хорошо принятъ.“

Позвольтежъ мнѣ сдѣлать одинъ во-просъ — наслаждаетесь ли вы этими бла-

гами съ нѣкоторою живостію? На примѣръ, не безпокоютъ ли васъ иногда честолюбіе, государственныя и домашнія дѣла и тому подобное?

„Ты многаго требуешь, Пиллигримъ!“ отвѣчалъ Рожеръ.

Извините меня, Ваше Величество! Дѣло не шутка! никто не захочетъ броситься въ воду даромъ! Прошу покорно выслушать теперь меня: я нынѣче успѣлъ сдѣлать порядочную прогулку — это пріятно и здорово! Теперь чувствую голодъ, и вѣрно поужинаю со вкусомъ, что бы ни предложили мнѣ ваши Неаполитанскіе трактирщики; потомъ засну глубокимъ сномъ, хотя бы досталось мнѣ положить голову на камень; поутру встану здоровъ и свѣжъ, помолюсь Богу, и пойду куда глаза глядятъ, куда мнѣ вздумается, гдѣ мнѣ покажется веселѣе. Завтра буду въ Неаполѣ, а послѣ завтра, если Неаполь мнѣ наскучитъ, опять беру суму и посохъ, опять господинъ цѣлаго мїра.

„Пиллигримъ! — отвѣчалъ Рожеръ — я начинаю замѣчать, что жизнь еще тебѣ не наскучила, и признаю себя побѣжденнымъ — въ награду за мою откровенность, обѣщайся мнѣ прожить у меня во Дворцѣ во все то время, пока не наскучишь въ Неаполѣ.“

Прошу извинишь меня, Ваше Величество — хотя и не почитаю себя недостойнымъ вашихъ милостей, но боюсь сдѣлать васъ смѣшнымъ въ глазахъ вашихъ придворныхъ. Въ то самое время, когда они будутъ хвалить васъ за вашу благотворительность, а меня ласкать словами и взорами, всякой изъ нихъ будетъ думать или шептать одинъ другому наухо: гдѣ отыскалъ КорольРожеръ этаго побродягу? Что хочетъ онъ съ нимъ дѣлать? Какія добродѣтели и дарованія въ немъ находитъ? Васъ назовутъ страннымъ, вѣтренымъ, легковѣрнымъ! Короче, Государь, вы лучше сдѣлаете, естьли позволите мнѣ искать ночлега на постояломъ дворѣ, въ какомъ-нибудь предмѣстіи Неаполя.

„Но прошу мнѣ сказать, почему ты знаешь такъ коротко и Дворъ и придворныхъ?“

„Я родился и выросъ во Дворцѣ одного маленькаго владѣтельнаго Князя; всякой день слышалъ, какъ близкіе къ нему люди, тѣ самые, которые льстили ему съ наибольшею низостію, ругали его безъ пощады за глаза — это наконецъ вывело меня изъ терпѣнія: я сбросилъ съ себя придворную ливрею, взялъ посохъ, котомку и пошелъ куда глаза глядятъ — искать прямодушія, простоты, откровенности, сво-

годы — об тѣхъ поръ, Ваше Величество шатаюсь по бѣлому свѣту.

„И ты думаешь, что всѣ Дворы одинъ на другой похожи?“

Думаю, Ваше Величество! потому что при всѣхъ одни и тѣже люди, имѣющіе одинаковыя чувства, одинакой образъ поступковъ.

„Слѣдственно ты очень дурнаго мнѣнія о тѣхъ, которыхъ Короли называютъ своими друзьями!“

Конечно! и вы бы сами согласились со мною, Ваше Величество, когда бы могли ихъ видѣть таковыми точно, каковы они въ самомъ дѣлѣ — но они осторожны, и были бы въ страшномъ безпокойствѣ, когда бы могли подумать, что вы имѣете средство читать въ ихъ мысляхъ. Не угодно ли вамъ сыграть надъ ними самую забавную шутку? Вы проведете нѣсколько минутъ въ удовольствіи, которое не будетъ вамъ ничего стоить: нужны только молчаніе и скромность.

Пиллигримъ сообщилъ свои мысли Рожеру; они условились въ томъ, что надобно было дѣлать — въ эту минуту послышались охотничьи рога и лошадиный топотъ. Пиллигримъ спрятался въ кусты, а Рожеръ поскакалъ на встрѣчу къ охотникамъ.

На другой день Пиллигримъ является во дворецъ Рожеровъ съ бумагою — его представляютъ Королю, который прочитавъ бумагу, велитъ ему слѣдовать за собою въ кабинетъ, и черезъ два часа выходитъ вмѣстѣ съ нимъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Придворные это замѣтили — большая часть изъ нихъ молчали и были въ недоумѣніи; но приближенные къ Рожеру, именно его первый Министръ, любовница и любимецъ, осмѣлились сдѣлать нѣсколько вопросовъ.

Этотъ человѣкъ, съ которымъ я говорилъ въ моемъ кабинетѣ, сказалъ Рожеръ Министру, весьма удивительный: ему открыты чудесныя таинства. Видишь ли это зеркало? Оно кажется обыкновеннымъ, и представляетъ всѣ вещи не хуже и не лучше простаго зеркала; но съ помощію двухъ Халдейскихъ словъ всякой человѣкъ можетъ увидѣть себя въ немъ такимъ точно, какимъ онъ быть желаетъ — короче: всѣ наши тайныя намѣренія и замыслы дѣлаются для насъ существенными въ этомъ зеркалѣ. Я это испыталъ: повѣришь ли? Посмотрѣвшись въ него, увидѣлъ я себя на тронѣ Константинопольскомъ. Мои соперники были моими придворными, а непріятели мои цѣловали у меня ноги: не хочешь ли и ты сдѣлать надъ собою опыта?

Прошу меня отъ него уволить, отвѣчалъ Министръ съ холоднымъ и важнымъ видомъ, которымъ довольно искусно прикрывалъ свое смущеніе: этотъ Пиллигримъ безъ сомнѣнія чародѣй; зеркало его изобрѣтеніе дїавола, а слова Халдейскія, которымъ онъ научилъ Ваше Величество, конечно богохульныя или безбожныя. Удивляюсь, какъ могли вы допустить къ себѣ такого опаснаго чернокнижника.

Рожеръ подалъ зеркало своей любовницѣ — она упала отъ страха въ обморокъ. Онъ предложилъ посмотрѣться въ него своему любимцу, но сей послѣднїй отвѣчалъ ему съ благородною гордостїю: Ваше Величество! пользуясь милостїю моего Монарха, я все имѣю, и слѣдственно таковъ точно, какимъ желаю быть. Рожеръ вызывалъ, изъ толпы придворныхъ, охотниковъ посовѣтоваться съ зеркаломъ — но всѣ отказались; всѣ единодушно мыслили, что Пиллигримъ чародѣй и безбожникъ, что надлежитъ его сожечь живаго, а зеркало его разбить въ дребезги.

Умы придворныхъ людей пришли въ волненіе — и наконецъ верховный Совѣтъ представилъ Рожеру, что Пиллигримъ точно человѣкъ опасный, что его непремѣнно должно предать суду и наказать

по достоинству. Король приказалъ представить къ себѣ преступника. Ты не волшебникъ — сказалъ онъ ему — но ты знаешь людей и свѣтъ. Правда твоя: ни одинъ изъ придворныхъ моихъ не захотѣлъ показаться мнѣ такимъ, каковъ онъ есть. Возми назадъ свое зеркало. За два наполуса, которые ты заплатилъ за него купцу, оно оказало намъ важную услугу.

(*Съ Французскаго.*)

VI.

ПѢСНЯ.

(*На голосъ*: Je t'aime tant, je t'aime tant.)

Мой другъ, хранитель Ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой . . . .
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ Природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю!
Прелестныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю!

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять

Могу на лирѣ восхищенной!
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость!
Ты мнѣ всѣ блага на земли!
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость!

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимаешь мечтаю!
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю!
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается!
Проснусь — и ты въ душѣ моей,
Скорѣй чѣмъ день очамъ коснется!

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый!
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый!
Я въ сердце твой пріемлю гласъ!
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ!
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой, въ тебѣ и для тебя
Дышу и жизнью наслаждаюсь!
Тобою чувствую себя!
Въ тебѣ Природѣ удивляюсь!
Ахъ, съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ сколь сладкой долѣ?

Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я любить
Еще сто кратъ желалъ бы болѣ.

Апрѣля 1. N. N.

VII.

К р и т и к а.

Басни Ивана Крылова. С. Петербургъ. Въ типографіи Губернскаго Правленія. 1809.

Всякой любитель Русской Поэзіи, которая, надобно признаться, не весьма богата произведеніями изящными, прочитавъ съ удовольствіемъ эти Басни, конечно скажетъ: *для чего ихъ такъ мало?* Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ быть, единственной, или главный недостатокъ *Басенъ Господина Крылова* — ихъ не болѣе XXIII. Всѣ вообще написаны легкимъ, простымъ, привлекательнымъ слогомъ. Нѣкоторыя прекрасны. Поставляемъ обязанностію занять ими вниманіе нашихъ читателей — тѣмъ болѣе, что въ нашей словесности подобныя явленія очень рѣдки; но чтобы дать яснѣе почувствовать истинное достоинство ихъ, почитаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторое разсужденіе о семъ родѣ Поэзіи вообще: такая

матерія не можетъ быть непріятною для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые, любя словесность, желаютъ имѣть и основательнѣйшее понятіе о томъ, что имъ нравится.

Что въ наше время называется Баснею? Стихотворный разсказъ произшествія, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя, или твари неодушевленныя. Цѣль сего разсказа — впечатлѣніе въ умѣ какой-нибудь нравственной истинны, заимствуемой изъ общежитія, и слѣдственно болѣе или менѣе полезной.

Отвлеченная истинна, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ Философа-моралиста, дѣйствуя на одну способности умственныя, оставляетъ въ душѣ человѣческой одинъ только легкой и слишкомъ скоро изчезающій слѣдъ. Та же самая истинна, представленная въ дѣйствіи и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и должна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словъ, и тѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ,

украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ отличительную, замѣтную для чувства нашего форму? — Таковъ главный предметъ баснописца.

Дѣйствующими лицами въ Баснѣ бываютъ обыкновенно или животныя, лишенныя разсудка, или творенія неодушевленныя. Полагаю тому четыре главныя причины. Первая: *особенность характера*, которою каждое животное отличено одно отъ другаго. Басня есть мораль въ дѣйствіи; въ ней общія понятія нравственности, извлекаемыя изъ общежитія, примѣняются, какъ сказано выше, къ случаю частному, и посредствомъ сего примѣненія дѣлаются ощутительнѣе. Тотъ міръ, который находимъ въ Баснѣ, есть нѣкоторымъ образомъ чистое зеркало, въ которомъ отражается *міръ человѣческій*. Животныя представляютъ въ ней человѣка, но человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, съ нѣкоторыми особенными свойствами; и каждое животное, имѣя при себѣ свой неотъемлемый, постоянный характеръ, есть, такъ сказать, *готовое*, для каждаго ясное изображеніе какъ человѣка, такъ и характера, ему принадлежащаго. Вы заставляете дѣйствовать волка — я вижу кровожаднаго хищника; выводите на сцену лисицу — я вижу льсте-

да, или обманщика — и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе читателя въ новой мечтательный мїръ, вы доставляете ему удовольствіе *сравнивать* вымышленное съ существеннымъ (которому первое служитъ подобіемъ), а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третіе: Басня есть нравственный урокъ, который, съ помощію скотовъ и вещей неодушевленныхъ, даете вы человѣку; представляя ему въ примѣрѣ существа, отличныя отъ него натурою и совершенно для него чуждыя, вы щадите его самолюбіе, вы заставляете его судить безпристрастно, и онъ нечувствительно произноситъ строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое — *прелесть чудеснаго!* На ту сцену, на которой привыкли мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ стихотворства такія творенія, которыя въ существенности удалены отъ нее Природою — чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмѣ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, духовъ, сильфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чуднаго сообщается нѣкоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ; а читатель, чтобы достигнуть

до этой морали, согласенъ и самую чудесность принимать за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣтеніе Басни рабству (*), а честь сего изобрѣтенія отдаютъ въ особенности какому-то Азіатскому народу. Не знаю, почему рабамъ приличнѣе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Естьли невольникъ, опасаясь раздражить тирана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла; то человѣкъ свободный, въ угожденіе самолюбію — другаго рода тирану, и можетъ быть еще болѣе взыскательному — не менѣе обязанъ украшать предлагаемое имъ наставленіе формою пріятною. Въ обоихъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Что же касается до изобрѣтенія, то Басня, кажется намъ, принадлежитъ не одному народу въ особенности, а всѣмъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды Поэзіи. Вѣроятно, что прежде была она собственностію

(*) Il est vraisemblable, que les fables, dans le gout de celles, qu'on attribue à Esope et qui sont plus anciennes que lui, furent inventées en Asie par les premiers peuples subjugués: des hommes libres n'auraient pas eu toujours besoin de deguiser la verité: on ne peut en parler à un tyran qu'en paraboles, encore ce detour même est-il dangereux. *Voltaire. Questions sur l'encyclopedie. Art. Fable.*

не Стихотворца, а Ритора и Философа. И Ритеръ и Философъ, разсуждая о предметахъ политики и нравственности, употребляли, для большей ясности, сравненія и примѣры, заимствованныя изъ общежитія или природы. Отъ простаго примѣра, въ которомъ представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой съ предметомъ заимственнымъ, легко могли перейти къ Баснѣ, въ которой предлагаемая истинна выводима изъ *дѣйствія* вымышленнаго, но имѣющаго отношеніе къ настоящему и такъ сказать заступающему его мѣсто (ибо, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, дѣйствіе вымышленное должно быть принимаемо въ Баснѣ (условно) за сбыточное, возможное, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ случившееся). Примѣръ объясняетъ мысль, но онъ сливается съ предложеніемъ и, такъ сказать, въ немъ изчезаетъ. Басня есть нѣчто отдѣльное и цѣлое; она заключаетъ въ себѣ дѣйствіе для насъ привлекательное — отъ сей отдѣльности и цѣлости и самая мораль заимствуетъ характеръ отличительный; а будучи выводима изъ дѣйствія привлекательнаго, сама становится для насъ привлекательнѣе.

Въ исторіи Басни можно замѣтить *три* главныя эпохи — первая, когда она была не иное что, какъ простой ритори-

ческій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытіе отдѣльное и сдѣлалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истины для ритора или философа нравственнаго — такова Басни, извѣстныя намъ подъ именемъ Езоповыхъ, Федровы и въ наше время Лессинговы; третья, когда изъ области краснорѣчія перешла она въ область поэзіи, то есть, получила ту форму, которой обязана въ наше время Лафонтену и его подражателямъ, а въ древности Горацію (*). Древніе философы — (древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ простымъ моралистамъ, нежели къ поэтамъ) — не сочиняли Басенъ; они разсказывали ихъ при случаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ или къ той истинѣ, которую доказать были намѣрены; они хотѣли не нравиться своимъ разсказомъ, а просто наставлять, и для того, употребляя Басню, какъ способъ убѣжденія или объясненія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истинною, изъ него извлекаемою, или тѣмъ случаемъ, заимствованнымъ изъ общежитія, которому онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно отличительный характеръ Басенъ древ-

(*) Сатира VI, книга II.

ихъ — должна быть краткость. Моралистъ, имѣя въ предметъ: запечатлѣть въ умѣ читателя или слушателя извѣстное правило практической морали, долженъ необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ — слѣдовательно всякое *украшеніе* почитать излишностію. Языкъ его долженъ быть самый простой и краткій — слѣдовательно проза (Федръ писалъ въ стихахъ, но его стихи отличны отъ простой прозы однимъ только размѣромъ); наконецъ, заставляя дѣйствовать скотовъ и тварей неодушевленныхъ, онъ долженъ употреблять ихъ, какъ одни *аллегорическіе образы* тѣхъ характеровъ, которые намѣренъ изобразить — слѣдовательно въ одномъ только отношеніи къ симъ характерамъ, а не давать каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, не относительнаго, что отвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, то есть отъ морали, и обратило бы его на принадлежность, то есть на тѣ аллегорическія лица, которыя входятъ въ составъ Басни. Лучшимъ образцемъ такихъ Басенъ могутъ быть, по моему мнѣнію, Лессинговы. — Но сдѣлавшись собственностію стихотворца, Басня перемѣнила и форму. Что прежде было простою принадлежностію — я говорю о дѣйствіи — то сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для

стихотворца, какъ и самая мораль. Поэзію называютъ *подражаніемъ Природѣ*; цѣль ея *нравиться* воображенію, образуя разсудокъ и сердце — слѣдовательно, и Баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, *нравиться* воображенію своимъ подражаніемъ. И такъ, въ Баснѣ стихотворной я долженъ подъ личиною вымысла находить существенный міръ, со всѣми его оттѣнками; животныя, герои басни, представляютъ людей — слѣдовательно онѣ должны, для воображенія моего, сохранить не только собственный данный природою имъ образъ, но вмѣстѣ и относительный, данный имъ стихотворцемъ, такъ чтобы я видѣлъ передъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и животное и тотъ человѣческій характеръ, которому оно служитъ изображеніемъ, со всѣми ихъ отличительными чертами — Баснописецъ поэтъ составляетъ *одинъ мечтательный* міръ изъ *двухъ существенныхъ:* въ одномъ заимствуетъ характеры, свойства моральныя и самое дѣйствіе, въ другомъ одинъ только лица. Чего же я отъ него требую? Чтобы онъ плѣнялъ мое воображеніе вѣрнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ разсказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участіе; чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заставляя ихъ дѣй-

ствовать согласно съ моральными свойствами, имъ данными; чтобы волшебствомъ Поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ тотъ мысленный міръ, который созданъ его воображеніемъ, и сдѣлалъ на время, такъ сказать, согражданиномъ его обитателей; и чтобы, наконецъ, удовлетворилъ разсудку моему какою-нибудь моральною истинною, которая не иное что, какъ цѣль, къ которой привелъ онъ меня стезею цвѣтущею. Таковы Басни Стихотворцевъ новѣйшихъ, и въ особенности Лафонтеневы.

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что Басня (не смотря на Лессингово, нѣсколько натянутое раздѣленіе) можетъ быть естественно: или *прозаическая*, въ которой вымыселъ, безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ простымъ и краткимъ разсказомъ, служитъ только прозрачнымъ покровомъ нравственной истинны; или *стихотворная*, въ которой вымыселъ украшенъ всѣми богатствами Поэзіи; въ которой главной предметъ стихотворца, запечатлѣвая въ умѣ нравственную истину, нравиться воображенію и трогать чувство.

Что же, спрашиваемъ, составляетъ совершенство Басни? Въ прозаической — краткость, ясный слогъ, приличіе вымышленнаго произшествія къ той морали,

которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она требуетъ гораздо болѣе, и мы, чтобъ получить нѣкоторое понятіе о совершенствѣ *ея*, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ образецъ стихотворной Басни, остался навсегда образцемъ неподражаемымъ — я говорю о Лафонтенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ *совершенной* Басни.

Не льзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежащаго превосходства въ семъ родѣ стихотворенія, не имѣвши того характера, который находимъ въ Лафонтенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе *добродушнаго*. Баснописецъ есть сынъ Природы, предпочтительно передъ всѣми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить нравоученіе вымысломъ, вывесть на сцену скотовъ и дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ — но будетъ ли въ произведеніяхъ его та прелесть, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ Лафонтеня? Чтобъ принимать живое участіе въ тѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны *овладѣть вниманіемъ* баснописца, и сдѣлать ихъ привлекательными для самаго хладнокровнаго читателя — надлежитъ имѣть сію неискусственную чув-

ствительность невиннаго сердца, которая привязываетъ его ко всѣмъ созданїямъ Природы безъ изъятїя; сїю полноту души, съ которою бываемъ мы щастливы при совершенномъ недостаткѣ преимуществъ, доставляемыхъ и обществомъ и фортуною, съ которою мы веселы въ уединенїи, и заняты, не имѣя никакого дѣла; сїе разположенїе къ добру, съ которымъ все представляется намъ и въ обществѣ и въ природѣ прекраснымъ, потому что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ; сїю беззаботность, которая оставляетъ намъ полную свободу заниматься съ удовольствїемъ такими вещами, которыя для другихъ какъ будто не существуютъ, или кажутся презрѣнными; сїе *простодушїе*, которое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ одинакое съ нами чувство и всѣ способны принимать одинакое съ нами участїе въ тѣхъ предметахъ, которые для насъ однихъ привлекательны — тогда вся Природа наполнена для насъ существами, знакомыми и любезными нашему сердцу; всѣ творенїя составляютъ наше семейство — мы трогаемся судьбою увядающаго цвѣтка, раздѣляемъ заботливость ласточки, свивающей для малютокъ своихъ гнѣздо, наслаждаемся внимая пѣнїю пустыннаго соловья, и сожалѣемъ объ

немъ, будучи *искренно увѣренъ*, что и онъ имѣетъ свои потери; чувства сіи живы, потому что душа, наполненная ими, будучи истинно непорочна, предается имъ съ младенческою беззаботностію, неразвлекаема никакимъ посторонимъ безпокойствомъ, никакою возмутительною страстію. Таковъ характеръ Лафонтена. Можноли жъ удивляться, что Басни его имѣютъ для всѣхъ неизъяснимую прелесть? Лафонтенъ разсказываетъ намъ о тѣхъ существахъ, которыя къ нему близки, и первый совершенно увѣренъ въ истинѣ своего разсказа. Подумаешь, что Натура наименовала его историкомъ того мїра, въ которой онъ переселился воображенїемъ; онъ разсказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ; онъ хочетъ и васъ заставить полюбить ту сторону, которая ему такъ мила и знакома; онъ говоритъ съ вами не для того, чтобъ быть вашимъ наставникомъ, но для того, что ему весело говорить; не ищите въ Басняхъ его морали — ее нѣтъ! но вы найдете въ нихъ его душу, которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувствахъ, въ простыхъ, для всякаго ясныхъ мысляхъ, безъ умысла, безъ искусства; вы слышите милаго младенца, исполненнаго высокой мудрости; научаясь любить его, вы становитесь сами и

лучше и довольнѣе собственнымъ бытіемъ, и нечувствительно находите все вокругъ себя прекраснымъ. Читая Лафонтена, замѣчаемъ въ душѣ своей то чувство, которое обыкновенно производитъ въ ней присутствіе скромнаго, милаго, совершеннаго добродушнаго мудреца — она спокойна, щастлива, довольна и Природою и собою. Съ такимъ единственнымъ характеромъ Лафонтень соединялъ и дарованіе Поэта въ высочайшей степени. Что называю дарованіемъ Поэта? Воображеніе, представляющее предметы живо и съ самой привлекательной стороны, способность изображать сіи предметы для другихъ приличными имъ красками, и такъ, чтобы они представлялись имъ съ такою же ясностію, съ какою и намъ самимъ представляются; способность (въ особенности необходимая баснописцу) разсказывать просто, пріятно, безъ принужденія, но разсказывать языкомъ стихотворнымъ, то есть, украшая, безъ всякой натяжки, простой разсказъ выраженіями высокими, поэтическими вымыслами, картинами, и разнообразя его смѣлыми оборотами. Таковъ Лафонтень въ своихъ Баснях. Никто не умѣетъ столь непринужденно переходить отъ простаго предмета къ высокому, отъ обыкновеннаго разсказа къ стихотворному; никто не имѣетъ такого

разнообразїя оборотовъ; такой живописности выраженїй; такого искуства сливать съ простымъ описанїемъ остроумныя мысли или нѣжныя чувства. Найдите въ Баснѣ: *Ястреба и Голуби* (Livre VII. Fable VIII) описанїе сраженїя — читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о Римлянахъ и Германцахъ: такъ много въ немъ поэзїи; но тонъ стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Отъ чего это? Отъ того, что онъ воображенїемъ присутствуетъ при томъ произшествїи, которое описываетъ, и первый совершенно увѣренъ въ его важности — не мыслитъ васъ обманывать, но самъ обманутъ. Въ этой же Баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Лафонтена, занимаясь однимъ предметомъ, изображать мимоходомъ предметы постороннїе и пріятные — онъ говоритъ о ястребахъ:

Certain ſujet fit naitre la diſpute
Chez les oiſeaux — non ceux que le printems
Mene à ſa cour et qui ſous la feuillée,
Par leur exemple et leurs ſons eclatans
Font que Venus eſt en nous reveillée imp. —

Вашему воображенїю представляются первыя минуты весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми поютъ птицы, и со всемъ тѣмъ, ваше вниманїе не отвлечено отъ главнаго предмета, ибо эта прелестная картина естественно сливается

съ описаніемъ главнымъ. Далѣе, говоря о голубяхъ, Лафонтень одною чертою изображаетъ и ихъ наружность и ихъ характеръ:

. . . . . Nation
Au col changeant, au coer tendre et fidele!

Въ первомъ полустишіи картина, въ послѣднемъ трогательное нѣжное чувство: стихотворецъ, изображая предметы, сообщаетъ намъ и то пріятное расположеніе души, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Такова неподражаемое искусство Лафонтеня!

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Оставляя этотъ трудъ нашимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на *Басни Господина Крылова*, которыя подали намъ поводъ къ симъ разсужденіямъ. Чтобы опредѣлить характеръ Автора, какъ стихотворца, надлежитъ разсматривать Басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на Басни Лафонтеня. Лафонтень, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, Поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясная: Лафонтень, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно стихотворныхъ картинъ,

ни того характера *простоты*, которыми украсилъ, и такъ сказать обратилъ въ свою собственность заимственное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтену, а въ стихотворной Баснѣ разсказъ есть главное. Господинъ Крыловъ, напротивъ, занялъ у Лафонтена (въ большей части Басенъ своихъ) и вымыселъ и разсказъ, слѣдственно можетъ имѣть право на имя Автора оригинальнаго по одному только искусству присвоивать себѣ чужія мысли, чужія чувства и чужой геній. Не опасаясь никакого возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть Авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ *въ прозѣ* есть рабъ, переводчикъ *въ стихахъ* — соперникъ. Вы видите двухъ актеровъ, которые занимаютъ искусство декламаціи: у третьяго — одинъ подражаетъ съ рабскою точностію и взорамъ и голосу и тѣлодвиженіямъ образца своего, другой, напротивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одинакой роли, употребляетъ *собственные*, ему одному свойственные способы. Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у *себя въ воображеніи*; Поэтъ - подражатель въ такой же степени воспламеняется образцемъ сво-

имѣ, нѣкорый заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго — слѣдственно подражатель, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображенїе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобрѣтателемъ въ *цѣломъ*, долженъ имѣ быть непремѣнно *по частямъ*; прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нѣсколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находитъ у себя въ воображенїи такїя красоты, которыя могли бы служить *замѣною*, слѣдовательно производить *собственное*, равно превосходное — не значитъ ли это быть творцемъ? И не потребно ли для того имѣть дарованїе писателя оригинальнаго? Замѣтимъ, что, для переводчика Басни, такого рода оригинальность гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпопеи и другихъ *возвышенныхъ* стихотворенїй! Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сродство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или лучше сказать въ простонародномъ. Оды и прочїя возвышенныя стихотворенїя могутъ быть переведены довольно близко, не потерявъ своего совершенства; напротивъ Басня (въ нѣко-

рую, надобно замѣтить, входитъ и красоты, принадлежащія всѣмъ прочимъ родамъ стихотворства) будетъ совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Что жъ долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творить въ подражаніи своемъ красоты, отвѣчающія тѣмъ, которымъ онъ удивляется въ подлинникѣ. А естьли онъ не имѣетъ ни чувства, ни воображенія, ни даже изобрѣтательности того стихотворца, которому подражаетъ: что будетъ его переводъ? Смѣшная каррикатура прекраснаго идеала.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что Господинъ Крыловъ можетъ быть причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и потому точно заслуживаетъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ Басенъ его вообще легкій, чистый и всегда пріятный. Онъ разсказываетъ свободно и не рѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету — то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи — имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя;

каждое дѣйствующее въ Баснѣ его лицо имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.

Лучшими Баснями изъ XXIII, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ: *Двухъ Голубей*, *Невѣсту*, *Стрекозу и Муравья*, *Пустынника и Медвѣдя*, *Лягушекъ, просящихъ царя*.

Два Голубя, Басня, переведенная изъ Лафонтеня, кажется намъ *почти* столько же совершенною, какъ и Басня Господина Дмитріева, того же имени — въ обѣихъ разсказъ равно пріятный, въ послѣдней болѣе поэзіи, краткости и силы въ слогѣ; за то въ первой, если мы не ошибаемся, чувства выражены съ большимъ простодушіемъ.

Два голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужь вѣрно тамъ;
И радость и печаль все было пополамъ!
Не видѣли они, какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало!

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, разпространенъ одинъ прекрасный стихъ Лафонтеня:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre.

Но они вѣрно никому не покажутся излишними. Можно ли пріятнѣе представить щастливое согласіе двухъ друзей? Хотя

ино, что называется замѣнять красоты подлинника собственными. Вы конечно замѣтили послѣдній, простой и нѣжный стихъ:

Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну кажется кудабъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга —
Нѣтъ! вздумалъ странствовать одинъ
изъ нихъ летѣть!

И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ — но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувствіво!

Хотите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ:

Вдругъ встрѣчу дождь и громъ!
Подъ нимъ какъ океанъ синѣетъ степь
кругомъ!

Вотъ изображеніе опасности голубка-путешественника, которато преслѣдуетъ ястребъ:

Ужь когти хищные надъ нимъ распущены!
Ужь холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ!

Въ Лафонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ, но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

. . . . . Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes etendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Господина Дмитрїева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
И такъ, благодаря стеченію воровъ. *Дм.*

Стихъ, тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ, одною чертою, напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намѣкать* принадлежитъ въ особенности Лафонтену. Заключеніе Басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Господинъ Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Господинъ Дмитрїевъ перевелъ очень близко Лафонтена, и съ нимъ сравнился. Выпишемъ и тѣ и другїе:

Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Кое-какъ поплелся домой безъ новыхъ бѣдъ....
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услугу, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро и бѣды и горе забываетъ.
О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальный путь такой пускайтеся невдругъ:
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,

Не вѣрьте! той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая и гдѣ живетъ вашъ другъ!
Крыловъ.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хотитель странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь!
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ восхищайтесь!
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ — тогда, за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ! . . . Придетель вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?
Дмитріевъ.

Послѣднїе стихи; безъ всякаго сравненія, лучше первыхъ — но должно ли ихъ и сравнивать? Господинъ Крыловъ — не желая переводить снова, а можетъ быть и не надѣясь перевести лучше то, что переведено какъ *не льзя лучше* — замѣнилъ красоту подлинника собственною! Заключеніе Басни его (если ли не сравнивать его ни съ Лафонтеневымъ, ни съ переводомъ Господина Дмитрїева) прекрасно са-

мо по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія нещастій голубка-путешественника, не тронетъ ли васъ этотъ одинъ, прекрасный и нѣжный стихъ:

Щастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противуположность живой картинѣ страданія — и вы спокойны на щетъ печальнаго странника! Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію предсташивъ вамъ всѣ тѣ отрады, которыя найдетъ голубокъ его, возвратившись къ своему другу! Здѣсь всякая подробность была бы излишнею, и только ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными выраженіями чувства — но истинное дарованіе воздержнѣе! Оно равно обнаруживается и въ томъ, что Поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе три стиха прелестны своею простотою и нѣжностію.

Выпишемъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ прекрасное изображеніе моровой язвы:

Лютѣйшій бичь Небесъ, Природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ — уныллы звѣри!
Въ адъ распахнулись настѣжь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;

Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячѣ валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же части ждя, чуть бродятъ полумертвы.
Тѣжь звѣри, да нетъ, въ бѣдѣ великой той;
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ!
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужь веселье!

Господинъ Крыловъ занялъ у Лафонтена искуство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя:

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;

Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы: Два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической Поэмѣ.

Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ;

Здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но онъ не составляетъ непріятной противуположности съ плачевною картиною язвы. А въ слѣдующихъ

трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство:

Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужь веселье!

Это переводъ; и самый лучшій, прекрасныхъ Лафонтеневыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient!
Plus d'amour, partant plus de joie!

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однако не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ:
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ, и нѣтъ
утѣхъ!
Княжн.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ — мы оставляемъ замѣтить въ нихъ красоты самимъ читателямъ.

Примѣръ разговора. Стрекоза пришла съ просьбою къ Муравью:

Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй! —
„Кумушка, мнѣ странно *это*!
„Да работалаль ты въ лѣто?“
— Говоритъ ей Муравей. —
До товоль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ,
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ —
Такъ что голову вскружило! ипр. —

Лягушки просили у Юпитера царя, и Юпитерь

Далъ имъ царя — летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ тресnулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ!
Дородствомъ, ростомъ великанъ!
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо . . .
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ!
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто;
Чуть смѣютъ на него глядѣть онѣ — и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому не приглядѣлся бъ свѣтъ,
То и онѣ — сперва онъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползли съ преданностью дерзнули;
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ,
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужь и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочитъ,
Тотъ на него и вскочитъ!

Можно забыть, что читаешь стихи, такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! я разумѣю здѣсь подъ словомъ: поэзія, искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутствительными:

Что ходенемъ пошло трясинно государство.

Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясинно* прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ помешались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ!

Въ послѣднемъ стихѣ, напротивъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганье. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа. Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подражаніе превосходитъ подлинникъ — а это весьма много, ибо Лафонтенева Васня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ. Еще одинъ или два примѣра, и кончимъ.

Жилъ нѣкто, человѣкъ безродной, *одинакой*;
Въ дали отъ города, въ глуши,

Про жизнь пустынную какъ складно ни
пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не
всякой;
Ушѣшно намъ и грусть и радость раз-
дѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ? а темная
дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ
молвить слова!

Вотъ истинное просодушіе Лафонтена, которымъ вѣрно не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился Русскимъ! Замѣтимъ однако здѣсь ошибку: Господинъ Крыловъ употребилъ слово *одинакой* (съ кѣмъ или съ чѣмъ-нибудь совершенно сходный) вмѣсто слова: *одинокой* [неимѣющій ни родства, ни знакомства, ни связей]. — Далѣе. Авторъ описываетъ пустынника и друга его медвѣдя. Первый усталъ отъ прогулки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ,
зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ! да онъ и не безъ дѣла!
У друга на носъ муха сѣла —
Онъ друга обмахнулъ —
Взглянулъ —
А муха на щекѣ — согналъ — а муха
снова
У друга на носу!

Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника! Лафонтень сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer,
Mit l'ours au desespoir — il eu beau la chasser!

Какая разница! — въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи лепаютъ вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе прошивное, медлительность медвѣдя — здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижь! ужь я тебя вострухуу!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнемъ въ лобъ!

Всѣ эти слова: *Мишинька, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкарауля* — прекрасно выражаютъ медлительность и осторожность; за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстрое полуслишіе:

— хватъ друга камнемъ въ лобъ!

Это молнія! это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противуположность послѣдней картины съ первою!

Но довольно! читатели могутъ сами развернуть *Басни Господина Крылова* и замѣтить въ нихъ тѣ красоты, о которыхъ мы не сказали ни слова, за недостаткомъ времени и мѣста. Остается теперь замѣтить ошибки — ихъ очень не много. Слогъ Господина Крылова кажется намъ, въ иныхъ мѣстахъ, разпянутымъ и слабымъ (за что мы нигдѣ не замѣтили ни малѣйшей принужденности въ разсказѣ). Найдутся три или четыре погрѣшности противъ языка; нѣсколько выраженій, противныхъ вкусу, грубыхъ, и тѣмъ болѣе замѣтныхъ, что слогъ вообще вездѣ и пріятенъ и легокъ. На примѣръ:

Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова;
Отъ радости въ *зобу духъ сперло!*
I. Басня.

Едва ли это непріятное выраженіе: *въ зобу духъ сперло*, понравится людямъ, привыкнувшимъ къ языку хорошаго общества. Дубъ говоритъ тростинкѣ:

Вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка!
II. Басня.

Не приличнѣе ли тяжесть овсянки выразить легкимъ, а не *тяжелымъ* стихомъ? Такая подражательная гармонія не *слишкомъ ли подражательна?*

Чѣмъ *любоваться* тутъ? — Твой хоръ
Горланитъ вздоръ! *III. Басня.*

Нельзя, если не ошибаюсь, говоря о музыкѣ, употребить слово: *любоваться*.

ся — Любуешься только тѣмъ, что *видишь.*

А ты — такъ ты еще не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны!
II. Басня.

. . . . . .

И *какъ* открыть его, *ни какъ* не догадался. *VI. Басня.*

. . . . . .

А все, за все спасибо мнѣ. *XVI. Басня.*

. . . . . .

Сразмѣрналъ съ крѣпостью твоей такая гордость? XVII. Б.

. . . . . .

Лакѣи, *гуторя*, плетутся въ слѣдъ шажкомъ,
Учитель съ *барыней болтаютъ вздоръ* пишкомъ. *XXI. Б.*

. . . . . .

Для твари, глупой, *подлой толпы. VII Б.*

Вѣроятно, что, при второмъ изданіи, Господинъ Крыловъ не оставитъ этихъ стиховъ безъ поправки.

Орелъ *подъ небесью* леталъ. *XX. Басня.* Надобно, если-ли не ошибаюсь, сказать: *по поднебесью;* въ Русскомъ языкѣ едва ли есть слово: *небесье.*

Въ лѣсу *кого набресть*,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?

И это кажется намъ ошибкою прошивъ языка. Говорится: *на кого набресть*, а не *кого набресть.*

И рада, рада ужь была,
Что вышла за *халяку.*

Авторъ, для риѳмы, поставилъ: *каллѣка*, вмѣсто: *каллѣка*. Эта ошибка тѣмъ болѣе чувствительна, что она единственная въ такой Баснѣ, которая отъ перваго стиха до послѣдняго (если ли выключить еще одно неправильное выраженіе: *одинаку*) прекрасна. Это IX ая, изъ которой мы не взяли ни одного примѣра единственно для того, чтобы оставить читателямъ нашимъ удовольствіе новости. Замѣтимъ еще одно: въ знакахъ препинанія такое множество ошибокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма трудно добраться до смысла: конечно авторъ не самъ просматривалъ корректуру! *Ж.*

VIII.

Смѣсь.

Въ изданной г-жею Сталь новой книгѣ *Письма и мысли Принца де Линя* (Ligne) сочинители Парижскихъ листковъ находятъ много достойнаго любопытства. Сей Принцъ обѣздилъ почти всю Европу, былъ въ Россійской службѣ, пользовался благоволеніемъ многихъ Особъ вѣнчанныхъ, любилъ словесность и науки, и слылъ человѣкомъ остроумнымъ. Говорятъ, что каждое письмо его отличается или удачными выраженіями, или необычайными оборотами въ

словахъ, или прекрасными анекдотами. По слѣдующему описанію о Князѣ Потемкинѣ судить можемъ, что Принцъ де Линь съ лишкомъ уже гонялся за остроуміемъ, которое по его мнѣнію состояло въ противностяхъ. „Я вижу полководца по наружности лѣниваго, а въ самомъ дѣлѣ безпрестанно трудящагося... Онъ всегда лежитъ; однакожъ неспитъ ни днемъ ни ночью, стараясь угождать обожаемой Государынѣ, и тревожась мыслію, не отнялo ли жизнь пушечное ядро у кого-либо изъ подчиненныхъ ему воиновъ. Боязливъ, когда дѣло идетъ о другихъ; самъ за себя неустрашимъ. Безпокоится прежде опасностей, веселится при опасностяхъ, бываетъ смутенъ среди веселостей. . . . . Любитъ Бога, боится сатаны. . . . Одною рукою даетъ знакъ любимымъ женщинамъ, другою крестится . . . Получаетъ деревни отъ Императрицы, и платитъ за Нее долги безъ Ея вѣдома . . . Съ Генералами бесѣдуетъ о богословіи, а съ Архіепископами о военномъ дѣлѣ. . . . Какъ младенецъ, всего желаетъ, и какъ великой человѣкъ, безъ всего обойтись можетъ." Нѣсколько страннымъ покажется, что Принцъ де Линь увѣряетъ, будто слово *небойся* у Турковъ значитъ n'ayez pas peur, или тоже что и по Русски, и будто Турки произ-

носятъ сіе слово, когда отсѣкаютъ кому-либо голову. Полно правда ли?

*

Выписываемъ изъ Парижскаго модна-го Журнала довольно забавной анекдотъ объ одномъ Французскомъ Простакѣ. „Поансенетъ младшій такъ слѣпо во всемъ полагался на Палиссота, что сему не одинъ разъ случалось увѣрять его въ самыхъ несбыточныхъ нелѣпостяхъ, и тѣмъ забавлять своихъ пріятелей. Палиссотъ показываетъ ему подложное письмо, будто бы полученное отъ одного Нѣмец аго владѣтельнаго Князя, которой даетъ препоручёніе вызвать изъ Франціи молодаго человѣка, искуснаго въ словесности, для воспитанія наслѣднаго Принца. Поансенетъ убѣдительно проситъ своего друга употребить его для столь выгодной должности. Палиссотъ обѣщается писать къ владѣтельному Князю и черезъ нѣсколько времени говоритъ простодушному сво-ему пріятелю: теперь отъ тебя, любезной другъ, зависитъ получить желаемое мѣсто; хотя есть небольшое препятствіе . . . . — Препятствіе? скажите, какое? — Принцъ Лютеранинъ; надобно чтобъ наставникъ былъ одного съ нимъ закона. — Что нужды! я готовъ сдѣлаться туркомъ, жидомъ, брамином. — Назначаютъ день, и Поансенетъ при отъ-

дѣтеляхъ подписываетъ отреченіе свое отъ католическаго исповѣданія. Забавникамъ вздумалось продолжить шутку. Говорятъ Поансенету, что онъ поступилъ неосторожно, и что отъ правительства дано повелѣніе взять его подъ караулъ, какъ отступника отъ вѣры. Поансенетъ, слѣдуя совѣту добрыхъ пріятелей своихъ, переодѣвается въ женское платье, и прячется въ погребъ. Его увѣряютъ, что онъ все еще находится въ опасности, и что съ помощію одного велемудраго кабалиста можетъ сдѣлаться невидимкою. Благодѣтельный мудрецъ вымазываетъ Поансенету лицо желтымъ маслянымъ составомъ, и для опыта на первой случай ведетъ его въ гостинницу, въ которой забавники ужинали. Невидимка нашъ идетъ прямо въ столовую; собесѣдники незамѣчаютъ его; открыто говорятъ объ умѣ его и о нравахъ, какъ будто бы тутъ его не было. Разумѣется, что Поансенетово самолюбіе жестоко страдало; но тутъ еще не все: одинъ льетъ на лице ему вино изъ стакана, другой бросаетъ тарелку на ноги. Между тѣмъ Поансенетъ внутренно веселится, и говоритъ самъ себѣ: глупые! о еслибъ знали они, что я здѣсь!

*

Въ Китаѣ богатые люди, ученые и мандарины отращиваютъ ногти на лѣвой рукѣ, а особливо на мизинцѣ, на которомъ ноготь обыкновенно имѣетъ длины нѣсколько дюймовъ. Такое отличіе принадлежитъ не всѣмъ сословіямъ; ремесленникъ упражняясь въ своей работѣ, не можетъ пользоваться симъ роскошнымъ преимуществомъ. Г. Гинье (Guignes), издавшій теперь описаніе своего путешествія въ Пекинъ, повѣствуетъ, что посѣщалъ его одинъ Китайскій врачь, у котораго самой длинной ноготь былъ двенадцати дюймовъ съ половиною, а прочіе по девяти и по десяти дюймовъ. Ноготь мизинца однакожь не равнялся другимъ въ достоинствѣ; Китаецъ съ горестію объявилъ, что сей драгоцѣнный ноготь изломался. Стоитъ великихъ трудовъ довести ногти свои до такого совершенства; за то уже такимъ уваженіемъ пользуется тотъ, кто преодолѣлъ всѣ препятства! Въ случаѣ тяжбы, напримѣръ, мандаринъ всегда оправдываетъ просителя или отвѣтчика, у котораго длиннѣе ногти. Китайской судья умствуетъ такимъ образомъ: кто столько терпѣливъ и столько самъ о себѣ печется, что успѣлъ отростить длинные ногти; тотъ конечно не станетъ заводить пустыхъ тяжебъ и неспособенъ ни къ какимъ дурнымъ по-

ступкамъ. Смѣшна логика Китайскихъ мандариновъ! но Европейскіе наши мандарины лучше ли разсуждаютъ? Невидимъ ли, что и у насъ часто заключаютъ объ ученомъ или о медикѣ по каретѣ его, по наряду, по ухваткамъ? — Тотъ же Гинье пишетъ слѣдующее о Китайскихъ операхъ: „Мандарины велѣли представить для насъ *Башню Си-Гу* — такъ называется драма отъ имени одной башни, находящейся на берегу озера близъ города Гангъ-Тїеу-Фу. Съ начала явились духи, которые верхомъ на змѣяхъ прогуливались на берегу озера. Потомъ нѣкоторой бонзъ влюбился въ одну богиню, и сталъ искать ея благосклонности; богиня, вопреки совѣтамъ сестры своей, внняла прозьбамъ молодаго бонза, вышла за него за мужъ, сдѣлалась беременною и родила на театрѣ младенца, которой въ то же время началъ бѣгать. Раздраженные духи погнались за бонзомъ, и бросили молнію въ башню, которая отъ того развалилась. Кто хочетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о совершенствѣ драматическаго искуства въ Китаѣ; тотъ долженъ еще вѣдать, что тамъ два актера стоя вмѣстѣ, невидятъ одинъ другаго; что входящій въ комнату дѣлаетъ знакъ, будто отворяетъ дверь и переступаетъ черезъ порогъ, хотя въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни двери ни порога;

наконецъ, что когда у актера въ рукѣ хлыстикъ, то зритель долженъ почитать его сидящимъ на лошади.“

*

На одномъ изъ Парижскихъ театровъ недавно представляли новую комедію: *Боаловы Сатиры.* Сочинитель, захотѣвшій похвастать остроумiемъ, сшилъ свою поему изъ лоскутковъ Сатиръ извѣстнаго Боало, занявши у него множество стиховъ и полустишій. Но дѣло не о томъ. Въ разсмотрѣніи сей комедіи мы находимъ весьма хорошія мысли; находимъ такія истины, къ которымъ наши писатели рано или поздно должны привыкнуть, ежели искренно желаютъ успѣховъ отечественной словесности.

„Поносить человѣка и объявлять мнѣніе свое о стихахъ его и прозѣ — не есть одно и то же. Ни стихи ни проза непредставляютъ самаго сочинителя. Можно быть весьма честнымъ гражданиномъ, весьма достойнымъ уваженія человѣкомъ, и въ то же время писать нескладною прозою или пропать негодные стихи; равнымъ образомъ хорошая проза и хорошіе стихи непріемлются за вѣрныхъ поручителей въ добротѣ сердца. Напрасно господа писатели берутъ на свой счетъ сказанное критикомъ объ ихъ сочиненіи; тутъ одна гордость, и при

томъ очень странная, заставляетъ ихъ неполагать никакого различія между собственною особою и между книгою собственнаго рукодѣлья. Согласимся, что книга есть чадо, любезнѣйшее сердцу родительскому. Но развѣ отецъ, имѣющій дѣтей хромыхъ или горбатыхъ, можетъ требовать, чтобы всѣ называли ихъ стройными? и не ужели онъ долженъ обижаться, услышавъ отъ кого-либо, что сынъ его ходитъ непрямо, или имѣетъ нескладную фигуру? Вспомнивши о срамныхъ ругательствахъ и безчестныхъ клеветахъ, Вольтеромъ и учениками его изрыгнутыхъ на критиковъ, не льзя не придти въ ужасъ отъ сего невѣроятнаго высокомѣрія, отъ сей сатанинской гордыни, которая вселила столько бѣшенства и злобы въ мудрецовъ, въ проповѣдниковъ человѣколюбія, терпимости и всѣхъ кротихъ добродѣтелей. Немногіе сочинители трудятся единственно для пользы, хотя всѣ они торжественно въ томъ увѣряютъ; почти каждой ищетъ или славы или денегъ. Поприще литературы усѣяно камнями преткновенія; вступая на сіе поприще надлежитъ съ твердостію взирать на опасности, коихъ избѣжать не можно. Воинъ идучи на сраженіе знаетъ напередъ, что или погибнетъ, или возвратится побѣдителемъ; равнымъ обра-

Зомѣ стихотворецъ отдавши на театръ свою комедію долженъ заблаговременно вооружиться терпѣніемъ, и быть въ готовности къ похваламъ и къ порицанію: точно также и всякой сочинитель, отдавши въ славу труды свои, долженъ знать, что о книгѣ его судить будутъ и умные люди и невѣжды. Для чего же досадовать, шумѣть и браниться на тѣхъ, которые купивши книгу вашу судятъ о ней, нѣтъ нужды прямо или криво? Для чего почитать своими непріятелями тѣхъ людей, которымъ вы сами дали право говорить о вашемъ сочиненіи? Кто воленъ хвалить труды ваши; тотъ конечно уже воленъ и неодобрять ихъ. Званіе писателя сопряжено съ неудобствами; рѣшитесь преодолѣть ихъ, ежели хотите достигнуть храма славы. Путь къ нему тернистъ и негладокъ!“ К.

ПОЛИТИКА.

IX.

Извѣстія и замѣчанія.

Война между Австріею и Франціею неизбѣжна. Въ Парижскихъ и Вѣнскихъ листкахъ наконецъ уже появляются такія оскорбительныя статьи, за которыя и безъ другихъ важнѣйшихъ причинъ извинительно было бы требовать удовлетворенія или грозить войною.

Почти въ каждомъ изъ послѣднихъ нумеровъ нынѣ получаемыхъ вѣдомостей попадаются выраженія самыя обидныя, и слова *глупость*, *сумасшествіе*, *кружеміе головы* съ нѣкотораго времени сдѣлались очень употребительными.

Императоръ Наполеонъ почти невыходитъ изъ своего кабинета и никого кромѣ министровъ къ себѣ недопускаетъ. Князь Невшательскій и нѣкоторые изъ придворныхъ чиновниковъ уже пріѣхали въ Стразбургъ, гдѣ съ часу на часъ ожидаютъ и самаго Императора, и гдѣ, какъ увѣряютъ, до времени назначено быть главной квартирѣ.

Изъ Вѣны пишутъ, что Императоръ Францъ и Ерцгерцогъ Карлъ отправились въ армію, первой 8 числа, а другой 6го Апрѣля. Вотъ извлеченіе изъ прокламаціи, изданной въ день отъѣзда Императора: „Народы Австріи! оставляю мою столицу, и отправляюсь ко храбрымъ защитникамъ отечества, собраннымъ на границѣ для обороны монархіи. Въ продолженіе трехъ лѣтъ я употреблялъ все стараніе доставить вамъ, любезные подданные, счастіе прочнаго мира. Никакою жертвою, въ прочемъ тягостною, но совѣстною съ благомъ ва-

шимъ и независимостію, я недорожилъ, лишь бы только спокойствіе ваше и благосостояніе обезпечить добрымъ согласіемъ съ Императоромъ Французовъ. Усильныя мои старанія были тщетны. . . . Я принялъ всѣ мѣры утвердить независимость монархіи. Вы вняли моему гласу; ваша любовь къ отечеству предупредила мое взываніе. Пріимите мою благодарность, о которой будутъ говорить мои и ваши внуки. Намѣреніе наше было только защищаться, а не наступательно дѣйствовать. . . . Наполеонъ объявилъ, что поступитъ непріятельски съ Австріею, ежели она не прекратитъ оборонительныхъ своихъ распоряженій и ежели безоружною неотдастся его произволу. Предложеніе сіе отвергнуто, и нынѣ войска его противъ насъ выступаютъ. Уповаю на Бога, на мужество моихъ ополченій, на геройское предводительство моего брата, и на васъ, любезные народы! Велики усилія для предпріемлемой войны; но онѣ должны быть таковы для вѣрнаго достиженія къ важной, необходимой цѣли независимости. Сдѣланное вами до нынѣ служитъ мнѣ порукою въ томъ, что впредь вы сдѣлаете. И тотъ кто неноситъ оружія, и тотъ пріиметъ участіе въ оборонѣ отечества. Единодушіе, порядокъ, повиновеніе, готовность дѣйствовать, до-

вѣрїе — вотъ истинныя силы народа. Вы обнаружили оныя; вамъ принадлежитъ благодарность, что мы теперь начинаемъ съ лучшею надеждою, нежели прежде. Счастливыя произшествїя не сдѣлаютъ васъ нерадивыми; противные случаи, если бы они и настали, не доведутъ васъ до унынїя; постоянное мужество преодолѣваетъ всѣ опасности, увеличиваетъ всѣ выгоды, вознаграждаетъ всякую потерю. Справедливость на нашей сторонѣ; Провидѣнїе неоставляетъ тѣхъ, кои сами о себѣ пекутся. Надѣюсь на любовь вашу, на испытанную вѣрность вашу къ государю и отечеству. Надѣйтесь и вы на отеческое попеченїе вашего Монарха, которой свое счастїе полагаетъ въ вашемъ. Вѣна. 8 Апрѣля 1809."

И такъ война неизбѣжна. Уже Австрїйцы отважились явиться въ Баварїи, въ Саксонїи и въ Герцогствѣ Варшавскомъ! — Досужїе наши политики долго оставались въ мучительной неизвѣстности. Нужно ли сказывать, что имъ давно хотѣлось бы пристать къ той или другой сторонѣ, и устремить перуны съ высокихъ чердаковъ своихъ на преступныхъ министровъ непрїязненной державы? Замѣчая грозныя движенїя, неминуемо предвѣщающїя войну кровопролитнѣйшую, читая въ публичныхъ листкахъ укоризны и прокламацїи, сїи

защитники утѣсняемаго человѣчества должны были такъ долго *сидѣть у моря и ждать погоды!* Наконецъ дождались!

*

Въ Вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ помѣщены (едва ли справедливыя) извѣстія о состояніи арміи Испанскихъ мятежниковъ по 20е число Февраля мѣсяца. „Генералъ Рединъ имѣетъ у себя 24,000 ратниковъ, и главная квартира его находится въ Таррагонѣ. Многочисленный корпусъ Каталонцовъ стоитъ при Каза-Мансанѣ. Войско бывшее подъ начальствомъ Кастаніоса соединилось съ Рединговымъ; оба вмѣстѣ состоятъ изъ 60,000 человѣкъ. На границахъ между новою Кастиліею и Валенціею и при Бадайозѣ расположенъ многолюдный корпусъ. Осмнадцати-тысячное войско, по отступленіи Англичанъ приведенное Маркизомъ Романою въ Естремадуру, соединилось съ находившеюся тамъ арміею при Мирабетѣ и Алмаццѣ. Крѣпости Бадайозъ, Лерида, Таррагона, Тортоза, Валенція, Мурція и Картагена охраняются сильными гарнизонами. По распоряженію Юнты набирается много рекрутъ для дополненія арміи. Изъ Америки привезено на двухъ Англійскихъ фрегатахъ и двухъ же Испанскихъ кораблях 17 милліоновъ талеровъ; мятежники надѣются черезъ четыре мѣсяца по-

лучить еще около 100 милліоновъ." — Въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ сказано, что по письмамъ изъ Севильи видно, будто мятежники вторглись въ Каталонію даже до Руссильйона, будто у нихъ есть на лицо 137,000 пѣхоты и 15,900 конницы, не считая великаго множества крестьянъ вооруженныхъ, и будто имѣютъ они многочисленную и самую исправную артиллерію.

*

Англійскій парламентъ занимается теперь разсмотрѣніемъ весьма соблазнительной тяжбы. Нѣкто Вардель, Полковникъ, сдѣлалъ доносъ на Герцога Іоркскаго въ томъ, что сей военачальникъ опредѣлялъ къ должностямъ и раздавалъ пенсіоны по предстательству женщины, во зло употреблян власть свою. Особому комитету велѣно изслѣдовать дѣло. Въ Февралѣ мѣсяцѣ слушаны были отвѣтныя свидѣтелей. Великое множество посторонихъ стекалось на столь любопытное позорище. Случай рѣдкой: военное сдѣдствіе надъ Королевскимъ сыномъ и Генералиссимомъ Британскихъ ополченій! Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сей драмѣ была Госпожа Кларкъ, хорошая пріятельница Герцога Іоркскаго, 45-лѣтняя Цирцея. Ее почитаютъ главною виновницею злоупотребленій.

29 *Апрѣля.* К.

ства. М. 1788 г. въ тип. Пономар. — Цѣна въ бум. пер. 30 коп.

Объ электрической матеріи тѣла человѣческаго, въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Сочиненіе Г. Аб. Вертолона, аппробованное Ліонскою Академіею, въ которомъ предполагается объ электрической атмосферической матеріи, о вліяніи ея и дѣйствіяхъ на животныхъ. Перев. съ Француз. 2 части, М. 1789 г. въ Университ. типогр. — Цѣна въ пер. 1 руб. 90 коп.

Похищенный локонъ волосовъ, Поэма Героическая, соч. Гм. Попе, перев. съ Француз. Изданіе 2е, М. 1788 г. въ типогр. Новик. — Цѣна въ бум. пер. 30 коп.

Описаніе жизни Конфуція, Китайскихъ философовъ начальника. Перев. съ Лашинскаго. М. 1780 г. въ Университ. Типогр. — Цѣна въ бум. пер. 25 коп.

Краткое понятіе о Физикѣ, для употребленія Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, нынѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора. Спб. 1760 г. Цѣна въ бумаж. перепл. 45 коп.

Гг. иногородные могутъ сіи книги и другія выписывать изъ вышеозначенной лавки чрезъ Почту, адресуясь на имя книгопродавцевъ Инихова и Базунова.

2-50

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Печальное произшествіе, случившееся въ началѣ 1809го года. - 3

II. Къ друзьямъ. - - - 15

III. Невинность. - - - 17

IV. Щастіе уединеннаго. (Идиллія) - 19

V. Зеркало. - - - 24

VI. Пѣсня. - - - 33

VII. Критика. - - - 35

VIII. Смѣсь. - - - 67

IX. Извѣстія и Замѣчанія. - 75

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

HALL USE